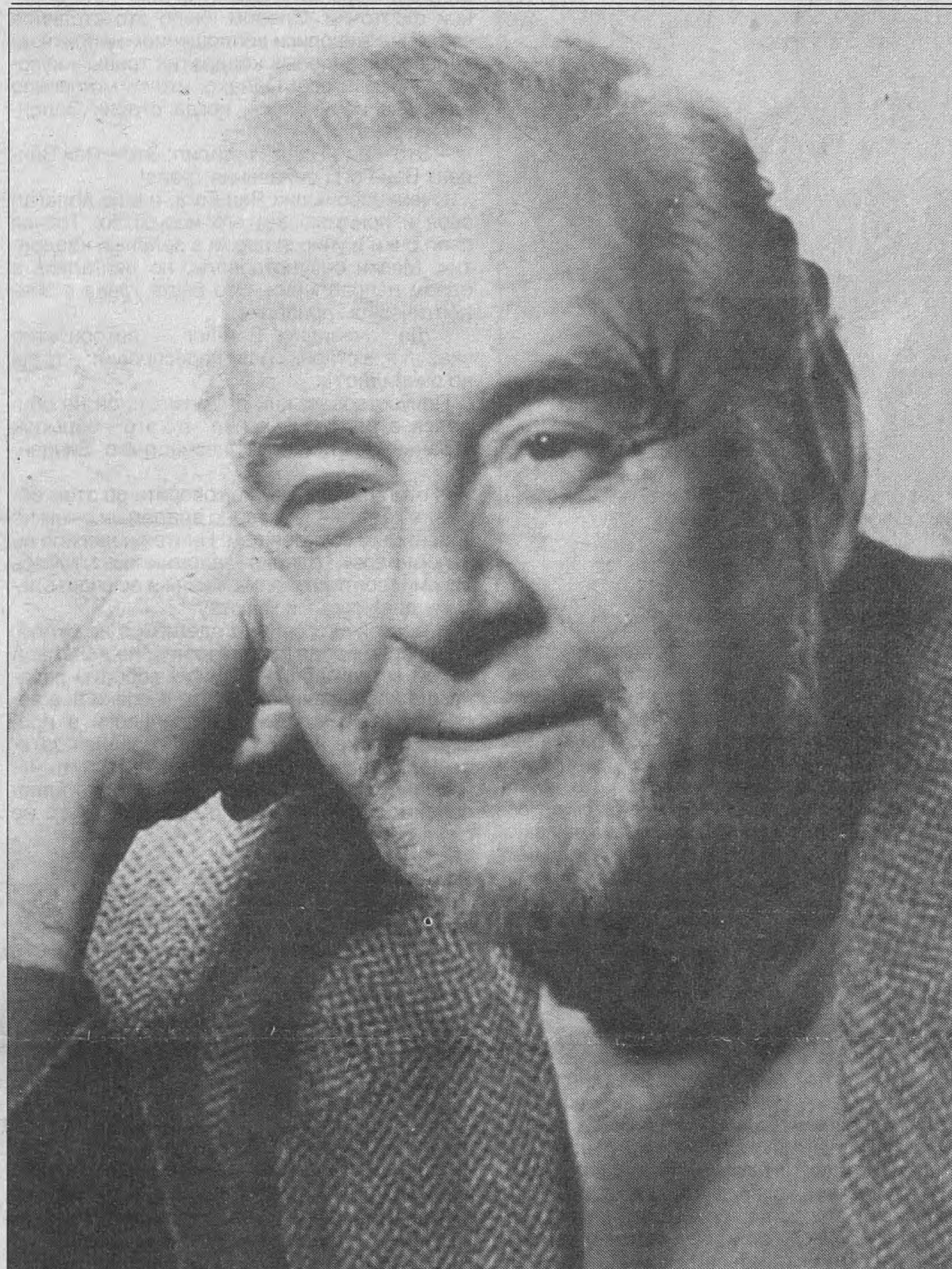

Экран и сцена
1998 - янв. (№ 1) -
с. 16

Благородство

Наталья КРЫМОВА

ляева, Лазарев, Виторган, Филлипов, Балтер – знают, что Театр имени Маяковского это их дом, а во главе стоит Гончаров, и это их театральная судьба.

Важнее и то, как относятся к Гончарову драматурги. К примеру, Юлиу Эдлис. С давних пор он несет именно Гончарову свои пьесы, потому что свой первый столичный театальный успех испытал именно у Гончарова – еще в том Театре на Малой Бронной, куда Гончаров пере-

шел вместе с Театром со Спартаковской. Пьеса – “Волнолом” (в театре она получила название “Девятый вал”). Сейчас Эдлис пишет больше прозу и это типично для драматурга, которому за пятьдесят. Эдлис самолюбив, обидчив, щепетил, общаться с ним нелегко. Но вряд ли он может назвать в Театре имени Маяковского человека, который бы его обижал или унижал. Ни работники литературной части театра – Тамара Браславская и

Виктор Дубровский, ни директор Михаил Петрович Зайцев, ни актеры, – ни на кого не может быть обиды. И тут дело не в том, что первым своим успехом Эдлис обязан Гончарову. Это культура театра в целом, культура театра, которым руководит Гончаров. Может быть, слишком долго читают тут пьесы, но назовите мне сейчас театр, где пьесы читают быстро. И (а драматург всегда этого ждет) – тут же похвалят и примут к постановке. Такой театр – редкость.

Уважение вызывает и биография Гончарова. Шутка ли, – прямо из театрального института добровольно ушел на фронт, отвоювал отечественную войну, вернулся в театр. О своем фронтовом прошлом Гончаров вспоминает не слишком часто и не слишком охотно – давно это было, от сегодняшней молодежи совсем далеко, а в режиссуре выдает разве что возраст. И все же, – какой циник может отнестись к войне как к шутке, – в любом поколении, независимо от возраста?

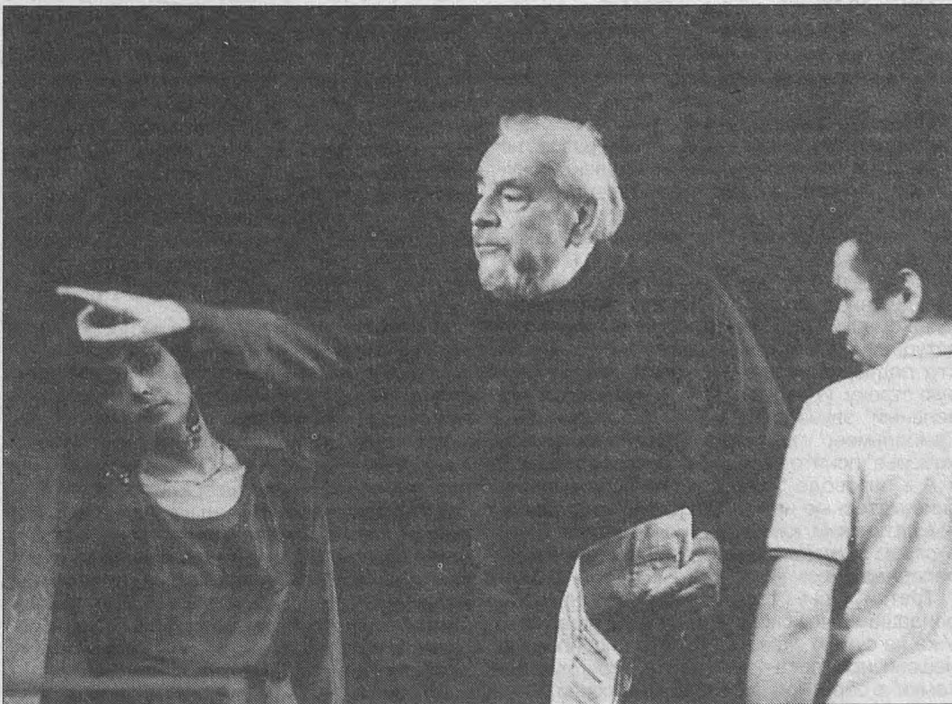
В первых спектаклях Гончарова в театре имени Маяковского военная тема не могла быть бутафорской. Тема войны вошла в жизнь художника как страшная беда. Он узнал войну на собственном опыте. А раз так, бутафория была бы кощунством. Сегодня, глядя на Гончарова, на то, как он ходит, смотрит, сидит, говорит с учениками, трудно поверить, что это – фронтовик, солдат. Но мало ли такого в жизни, во что трудно поверить.

И еще беру на себя смелость сказать о совсем личном, моем собственном. Однажды позвонил мне Гончаров и спросил, знаю ли я о таком фонде – называется “Русский театр”? Нет, я ничего не знала. – “Примите их представителя, пожалуйста. Я слышал, вы никак не можете издать книги Эфроса.” Разумеется, я приняла представителя. И книги Эфроса были наконец изданы.

Между тем Гончаров примерно в то же время принял в театр актрису “со стороны” – Ольгу Яковлеву. Это была актриса Эфроса, совсем не Гончарова. И еще Гончаров принял решение восстановить на своей сцене спектакль Эфроса “Наполеон Первый” с Яковлевой в главной роли. Но с кем будет репетировать капризная актриса, кто будет режиссером, кто будет после Ульянова играть Наполеона? И вход в театр на месяцы работы был открыт ученице Анатолия Васильевича Татьяне Казаковой. (Сейчас она, говорят, очень успешно работает в Санкт-Петербурге). А Наполеона сыграл Михаил Филлипов. Очень хорошо сыграл. Не хуже Михаила Ульянова.

Я знаю, что немалая роль в этой истории принадлежит директору театра имени Маяковского Михаилу Петровичу Зайцеву. Он раньше был директором Театра на Малой Бронной и очень любил Эфроса. Но согласитесь, что восстановление “Наполеона” – поступок, прежде всего, Гончарова. Ведь он руководитель театра, он в ответе за все. И еще вот за это он в ответе: “Театр имени Маяковского и Центральный дом актера имеют честь пригласить всех, чтущих память Анатолия Васильевича Эфроса, на вечер, посвященный ему, “Десять лет спустя...” Вечере примут участие Ольга Яковлева, Антонина Дмитриева, Елена Коренева, Николай Волков, Валерий Золотухин, Станислав Любшин, Сергей Юрский и другие. Вечер состоится 16 января 1998 года в помещении Театра имени Маяковского. Текст на приглашении билет такой: “Так получилось, что именно в Театре имени Маяковского, где Анатолий Эфрос никогда не работал, нашли приют и возможность продолжения творческой жизни два его самых любимых актера – Ольга Яковлева и Николай Волков. А там, где Эфрос работал, все идет своим чередом... Не правда ли, странно складывается жизнь?”

Надеюсь, читатели “Экрана и сцены” теперь поймут, почему я могу назвать статью про Андрея Гончарова одним словом: благородство.

В дни, когда отмечается 75-летие Театра имени Маяковского, а второго января 1998 года будет отмечаться 80-летие Андрея Гончарова, прошу прощения, что не перечисляю спектаклей Гончарова, который театром имени Маяковского сегодня руководит. Не пишу о приметах его режиссерского почерка, об особенностях его режиссуры и так далее. Одно то, что он столько лет держит в руках большой столичный театр, говорит о многом. И замены этому режиссеру нет. Кто на таком посту мог бы заменить Гончарова? Задумаемся. И никакого другого имени произнести не сможем.

Андрея Александровича Гончарова уважают его ученики. Их много. Они теперь разбросаны по разным городам и даже странам. Что дал им Гончаров, чему научил? Прежде всего, он не научил их рвачеству и цинизму. Не научил делачеству, потому что и сам не делача и не циник. Ученики Гончарова энергичны, профессиональны, крепки в своем деле, но каждый освоил режиссерское дело благодаря таланту. Этот режиссерский талант молодого человека в свое время был Гончаровым замечен, а потом им же не изуродован, не искажен, не извращен. Андрей Александрович Гончаров, отнюдь не сентиментальный человек, умеет поддерживать учеников, предоставляя свободу тем, кто талантлив. Он не видит в учениках конкурентов себе. Ну, какой конкурент Гончарову, к примеру, Эймунтас Някрошюс? У Някрошюса свое место не в русском, а в литовском и в мировом театре, свой почерк, свое отношение к литературе. У него **своя биография** в театре. И этой биографией ученика учитель по праву может гордиться. Някрошюс привозил в Москву “Дядю Ваню”, “Нос”, “Три сестры”, “Маленькие трагедии”. Обратите внимание – все русская литература. Спектакли очень разные, а было время, когда нечто “антирусское” кто-то в них усматривал.

Слишком напряженные отношения складывались между Литвой и Россией – это влияло на восприятие спектаклей зрителями и критиками. А если от этого отвлекаться, все проще – спектакли были плохие и хорошие. Но всегда они становились театральным событием и вокруг них шли жаростные споры. Меня, к примеру, никто не убедит, что в этих спектаклях было нечто “антирусское”. И наступило время, когда о Някрошюсе одинаково спорят и в Вильнюсе, и в Москве. Может быть, из учеников Гончарова – этот самый талантливый. Но вообще ученики очень разные, талантливые по-разному, и сближает их создателей одно – работоспособность.

Считается, что режиссура – не самая женская профессия. Но рядом с Гончаровым работает его ученица Татьяна Ахрамкова. Спектакли ее в театре имени Маяковского выходят один за другим и, не в пример иным своим коллегам, ни в какую другую сторону Ахрамкова не смотрит, денег на стороне не зарабатывает. Мне неизвестно, какие профессиональные отношения связывают ученицу с ее учителем, бывают ли у них творческие конфликты, вмешивается ли Гончаров в работу Ахрамковой и так далее. Так или иначе, во многом на ее спектаклях строится сегодня реальный репертуар театра.

Когда-то Мария Осиповна Кнебель говорила мне про Гончарова: “Он странный человек, я его до конца не понимаю. То деспотичен, то нежен, то коварен, то простодушен... Вы знаете, он почему-то не любит сидеть в президиумах! Я сама видела, он на одном собрании залез под стол.” Действительно, Андрей Александрович не любил тогда сидеть в президиумах. И мне это запомнилось – потому что понравилось. Хотя и я не могу похвастаться, что сейчас до конца понимаю эту художественную личность.

Важнее, однако, что Гончарова, если смотреть со стороны, прекрасно понимают его актеры. Ласков он с ними или деспотичен – не знаю. Но Гундарева, Немо-